

Сергей Семанов

Под черным знаменем

Семанов С. Н.

Под черным знаменем / С. Н. Семанов —

Жизнь и смерть Нестора Махно. О знаменитом повстанческом атамане написано немало сочинений. К сожалению, истинный облик его нередко вольно или невольно искажали. Только сегодня, когда обнаружены многие сокрытые ранее документы и воспоминания, мы можем узнать, каким он был на самом деле. В основу книги легли сведения, полученные автором во время бесед со вдовой и единственной дочерью Нестора Ивановича.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Сергей Семанов

Под черным знаменем

Жизнь и смерть Нестора Махно

Для начала процитируем письмо, отправленное 4 апреля 1968 года в город Ленинград из города Джамбула. Этот небольшой городок в южной казахской степи назывался до тридцать шестого года Аулие-Ата, до тридцать восьмого – Мирзоян (бывший партийный шеф Казахстана, позже расстрелянный). Затем разросшийся уже город накрыло имя «акына», прославлявшего убийц прежнего своего начальника.

Ну, переименование городов, улиц, площадей и мостов – дело знакомое, это так, для справки...

Данное письмо приводим полностью, опустив только фразу, где упомянута фамилия: пусть она ненадолго останется не известной читателю. И еще добавим: письмо это, отправленное чуть ли не четверть века тому назад, публикуется впервые.

«Мы жили тогда в пригороде Парижа Венсене в маленькой меблированной квартирке, состоящей из одной небольшой комнаты с кухней. Семья наша состояла из трех человек: меня, мужа и одиннадцатилетней дочери. Осень 1933 г. Я безработная, муж довольно тяжело болен, дочь ходила в школу. Муж болел туберкулезом легких еще со времени заключения в Бутырской тюрьме в Москве, где он отбывал каторгу, закованный по рукам и ногам, и где провел девять лет и откуда его как политического заключенного освободила революция. Из тюрьмы он вышел без одного легкого, и теперь изнемогало и второе его легкое, также пораженное туберкулезом. Кроме того, его мучил последние пару лет и туберкулез костей. Были поражены два ребра, на которых постоянно образовывались большие болезненные шишки, наполненные гноем. Еще беспокоила его незаживающая рана на ноге, простреленной в одном из боев разрывной пулей. На эту ногу он хромал. Из раны время от времени выходили осколки разрывной пули.

Однажды в русской газете «Последние новости»¹ я прочла объявление, что в один русский детский пансион-интернат требуются работницы. Я пошла по указанному адресу и устроилась на работу в качестве прачки в пансион для русских девочек в Кенси, а муж больной остался один дома. По воскресеньям я его изредка навещала. Часто навещали его многие товарищи. Зимой ему стало хуже, и приблизительно в марте месяце 1934 года мы его поместили в один из французских госпиталей в Париже.

По воскресеньям я часто навещала его в госпитале. Здесь я встречалась с многочисленными его товарищами, как русскими, так и французами. Часто бывал у мужа один эмигрант из бывших белогвардейцев из войск Юденича, некто Яков Филиппович Карабань. А познакомились мы с ним, живя в одном отеле на одном этаже в Венсене. Он частенько заходил к нам, подолгу беседовал с мужем и был всегда желанным гостем.

Несмотря на пребывание в госпитале, здоровье мужа не улучшалось. В июне месяце врачи решили сделать операцию – (вынуть) удалить два пораженных туберкулезом ребра. В конце июня однажды вечером я зашла к

---

¹ Газета выходила в Париже с 1920 по 1940-й, редактором с 1921-го был П. Н. Милуков

нему в госпиталь. Он был очень уставший, измученный и ослабевший. На мой вопрос: «Ну, как?» он ничего не ответил, только из глаз его покатались слезы. Я тоже заплакала. Говорить нам больше было не о чем... Я поняла, что ему тяжело, что жизненные силы покидают его, что он уже больше не жилец на этом свете. А через несколько дней ко мне на работу в Кенси приезжает на такси один товарищ, Максим, и говорит: «Собирайся, Галина, сейчас же едем в Париж, Нестор умирает».

Я взяла дочь, спустилась к заведующей и заявила ей, что я сейчас с дочерью уезжаю в Париж, так как отец моей дочери и мой муж умирает. Мы сели в такси и поехали. Часов в пять вечера мы были уже в Париже, в госпитале. Муж лежал на постели бледный, с полужакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от остальных большой ширмой. У него было несколько товарищей, которым, несмотря на неурочный час, разрешили здесь присутствовать. Я его поцеловала в щеку. Он открыл глаза, и обращаясь к дочери, слабым голосом произнес:

– Оставайся, доченька, здоровой и счастливой! – Потом закрыл глаза и сказал: – Извините меня, друзья, я очень устал, хочу уснуть...

Пришла дежурная сестра. Спросила его:

– Как чувствуете себя?

На что он ответил:

– Дайте ужин. Принесите кислородную подушку.

– Сейчас, – ответила сестра и принесла ему кислородную подушку.

С трудом, дрожащими руками, он вставил себе в рот трубочку кислородной подушки, и сестра попросила нас всех удалиться и прийти завтра утром.

На следующее утро, когда мы зашли в палату, то увидели, что кровать, на которой лежал муж, пуста и ширмы у кровати не было. Один из соседей больных сказал, что сегодня утром около шести часов муж перестал дышать. Пришла сестра, закрыла ему лицо простыней, и вскоре его вынесли в мертвецкую. Это было 6-го июля 1934 года. Сестра сдала мне одежду мужа, его часы и прочие мелкие вещи, и мы пошли в мертвецкую. Здесь лежал покойник с восковым, очень спокойным лицом. На груди его сочилась рана после операции. Один из товарищей снял с лица мужа маску, и через пару дней мы его хоронили на кладбище Пер-ля-Шез. Тело его было сожжено в крематории, и урна с прахом замурована в стене».

Грустно... Смерть каждого человека трагична, каким бы он ни был в грешном своем бытии. И все же попытаемся предположить: кто же это? Кто так мирно и кротко рассчитался с жизнью в нищей больнице, в одиночестве и неприкаянности? Скромный служащий, работника-неудачник, запутавшийся в жизни интеллигент, разорившийся предприниматель?...

Нет и нет. Имя героя письма когда-то, не так уж задолго до его кончины, гремело по всей России, отголоски аж по всему миру разносились. Имя пахло порохом, кровью, потом боевых лошадей, ружейным маслом, ременной сбруей боевых тачанок. Оно, это имя, стало символом нашей гражданской войны – кровавой и беспощадной друг к другу. Символом русской лихости и удали, презрения к своей и – к великому нашему несчастью – чужой жизни.

Имя это – Нестор Иванович Махно. О нем, а главное – о делах, с ним связанных, и пойдет рассказ в нашей книге.

Вернемся, однако, к письму, ибо не случайно именно с него началось наше повествование. Тут нужны кое-какие пояснения, которые потребуют некоторого авторского присутствия: недолгого, впрочем, весьма недолгого.

В начале шестидесятых годов я, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, как и ряд моих молодых сверстников-историков, с головой окунулся в изучение истории гражданской войны. Время для того было, по нашим понятиям, благоприятное: архивы, ставшие доступными так широко в конце пятидесятых, еще не успели «закраться», в академических институтах и изданиях сохранялось еще известное свободомыслие.

Чего только не выволакивали мы из богатств, благополучно пролежавших десятилетия в «спецхранах», чего только не переписывали – так, на всякий случай, бескорыстно, а уж как горячо и свободно обсуждали прочитанное! Кое-кому из нас это потом пошло впрок. Мне, как я теперь понимаю, особенно повезло. Ощупью я наткнулся на ряд острейших сюжетов в переломный период истории России, о чем позже удалось кое-что написать и даже опубликовать. Один из этих сюжетов – о Махно.

В самом конце шестидесят пятого, будучи в Москве, я робко заявился в солиднейший академический журнал «Вопросы истории». В ту пору периодических изданий было у нас куда меньше, чем сейчас, почти всякая публикация вызвала общественное внимание. Смущаясь своей дерзости, я зашел в комнату, где помещался отдел отечественной истории (все там ныне, как было!). Едва ли не запинаясь от робости, предложил: статья, мол, о Махно... Надо сказать, что в ту пору такое предложение выглядело не только неожиданным, но и странноватым, я на успех почти не надеялся. И вдруг молодой заведомо, красивый и голубоглазый, быстро и строго сказал: «Пишите и присылайте как можно скорее!» Решительным и смелым этим редактором оказался Андрей Николаевич Сахаров, ныне известный академический историк и писатель. Сейчас-то легко говорить, но тогда решиться на такое мог только отважный человек.

И я погрузился в забытые, с трудом читавшиеся, замшелые, по большей части запрятанные за железной дверью источники. И разворачивалась жуткая картина... Кровь, казалось, капала с выцветших страниц книг и газет, смертный запах поднимался с неряшливо составленных документов, людские стоны звучали за корявыми текстами приказов. К какому же выводу меня, молодого русского интеллигента, могло это привести?.

Вспомним время – середину шестидесятых, во многом переломную эпоху в идейной жизни страны. «Оттепель» отмерла, снятие Хрущева подавляющее большинство народа и интеллигенции встретило с чувством облегчения и не без злорадства даже. Померкло постепенно обаяние двусмысленного XX съезда, ибо выяснилось, что Хрущев собирался без Сталина жить почти по-сталински (кукуруза – вместо «великих строек», расстрелы в Новочеркасске – взамен «жертв сталинского террора»). Да, конечно, при Хрущеве стало несколько «теплее», но и только, суть общественного уклада не изменилась.

И вот тогда-то перед молодой русской интеллигенцией встал вопрос о ценности революции как таковой, не о конкретной даже, русской ли, французской, какой иной, а по сути – может ли революция, то есть насильственное изменение сущего, стать благом для общества? Годны ли сегодня подобные методы для решения положительных задач?

Тогда же автор этих заметок, склонный в молодые годы к решительным обобщениям, сформулировал: «Нет такого режима, который бы стоил революции!» Что ж, сказано крепко, хотя к широте и истинности этого афоризма нам предстоит вернуться. В ту пору многие становились ненавистниками всяких революционных действий и насильственных переворотов. Отсюда мое тогдашнее отношение к Махно и махновщине – «бунт бессмысленный и беспощадный». Оценка в духе давних традиций русской мысли, долгое время почитавшихся вредными. Статья же о Махно была написана быстро и горячо, с ходу опубликована, получила большой отклик у нас и за рубежом. Тут же мне стали пенять на погрешности в «классовых оценках» и т.

п. (особенно тут свирепствовали украинские товарищи), но дело было сделано. Статье повезло: узкая щелочка тогдашней гласности вскоре вновь и надолго прикрылась; и то сказать, за четверть века, прошедшего с той публикации, в нашей печати не появилось ни одной (!) более или менее серьезной работы о таком крупном и знаменитом историческом явлении, каким, несомненно, была махновщина.

Но... вскоре публикация в малотиражном ученом журнале получила неожиданное продолжение. В марте 1968 года в институт пришло письмо из казахского города Джамбула. Письмо очень сухое и осторожное – некая Г. Кузьменко хотела бы связаться с С. Семеновым, автором статьи в «Вопросах истории», для уточнения некоторых подробностей по затронутой им теме. Кузьменко? Эта фамилия была мне знакома. Неужели?... Я тут же ответил, и выяснилось, что написала мне небезызвестная в истории Галина Андреевна Кузьменко, вдова и соратница Нестора Ивановича Махно, мать его единственной дочери Елены. Кстати, от нее я впервые узнал и о том, что истинная фамилия Махно – Михненко.

...Большой лист стародавней бумаги в линейку густо исписан с обеих сторон, даже полей нет. Вверху заголовок: «Моя биография», а строкой ниже (видимо, по подсказке) «Автобиография». В углу есть приписка тем же почерком, но иной ручкой и чернилами (явно позднего происхождения): «По возвращении для ОВИРа». Почерк угловатый, резкий, правописание грамотное, но рука водила пером явно с большим напряжением, отсюда даже некоторая корявость в написании отдельных букв и слов. Заметно бросается в глаза преувеличенность высоты прописных букв и строгая закрытость округлых («а», «о», «б», «д»); согласно графологии это соответственно означает: честолюбие, доходящее до деспотизма, а также скрытность. Не знаю, как вообще, но в данном случае графология не солгала. Итак, цитируем без малейших изменений первую половину документа (о другой половине – позже):

«Родилась я, Галина Андреевна Кузьменко, в городе Киеве 28 декабря 1896 года (все даты в документе до 1917 года даны по старому стилю. – С. С). Отец мой, крестьянин Андрей Иванович Кузьменко, служил тогда на железной дороге. Мать, Доминикия Михайловна Ткаченко, по происхождению крестьянка. Когда мне было лет десять, отец бросил службу и переехал с семьей в родное село Песчаный Брод Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, взял у братьев свой надел земли, шесть десятин, и стал заниматься земледелием. По окончании двухклассной школы я поступила в Добровеличковскую учительскую семинарию, которую и окончила в 1916 году. Первое учительское место получила в селе Гуляйполе Екатеринославской губернии в двухклассной школе. Учительствовала здесь один учебный год 1916 – 1917. На следующий учебный год уехала в Киев и поступила в Университет св. Владимира. Одновременно работала в Министерстве труда в качестве заведующей столом личного состава Министерства. Через год вернулась снова в Гуляйполе и стала преподавать украинский язык, физику и естествознание в гимназиях мужской и женской. Весной 1919 года сошлась с Нестором Ивановичем Михненко – Махно, который в то время был командиром Повстанческой армии и держал фронт белых под командованием Деникина».

Так она представлялась сама сотрудникам МВД в пятидесятых годах.

С весны 1968-го мы вступили с Галиной Андреевной в оживленную переписку, но она сообщала о себе, а главное – о Махно и махновщине – очень скупое, сказывалась осторожность, приобретенная ею за долгие годы заключения в советских лагерях (понять ее можно, тут и объ-

яснять нечего). Значит, надо было ехать из Ленинграда в Джамбул, за несколько тысяч верст, и там попытаться выяснить у этой единственной свидетельницы необходимые сведения, иначе они навсегда погибли бы для нашей истории, и без того обездоленной подлинными источниками.

В ту пору директором нашего института был Николай Евгеньевич Носов, крупный специалист по средневековой России, человек широкий и благодетельный. Я откровенно доложил ему суть дела, и он – не то что многие его коллеги на подобных постах – охотно и твердо поддержал меня. Конечно, обозначить в официальном приказе командировку к вдове Махно было по тем временам совершенно невозможно, поэтому мы вместе придумали: еду для работы в историческом архиве Джамбульской области.

Получив казенную подорожную, я общался с Галиной Андреевной уже телеграммами. Вот последняя моя: «Прилетаю 27 (сентября 1968) срочно телеграфируйте возможность встречи...» Ответ: «Буду ждать вас у кассы аэропорта. Кузьменко».

Взял у своего друга магнитофон (по нынешним временам неудобный и дурацкий) и... оказался наконец в джамбульском аэропорту, крошечном, как автобусная станция.

Естественно, что всякий человек, знакомый лишь по переписке или телефонным разговорам, как-то вырисовывается в нашем представлении. Так и я пытался представить себе мою героиню. Ну, все мы рабы традиций, не нами рожденных. Так вот, перед войной вышел в свет кинофильм «Александр Пархоменко», имел он тогда огромный успех, а покажи его по ТВ сейчас – успех был бы, уверен, не меньший (да чего там – большой, учитывая очевидную убогость нынешнего экрана).

Какие актеры предстали тогда! Пархоменко играл Хвеля, воплощавший образ народного героя без страха, упрёка и корысти; самого Махно – великий (и неблагодарно забытый ныне) Чирков – он слепил такой образ Стеньки Разина XX века, что до сих пор Нестора Ивановича большинство народа воспринимает по его канве. Однако главное тут для нас в ином – жену Махно сыграла ослепительная киноактриса Окуневская, опять же роль ее здесь оказалась столь же блистательной, сколь и далекой от исторической правды. Что ж, высокое искусство всегда превосходит историографию, вот почему до конца дней своих человечество будет воспринимать Ричарда III по Шекспиру, а Кутузова – по Льву Толстому. Сколь бы ни протестовали тут положительные историки-профессионалы. Образ выше факта.

У крошечного помещения кассы затерянного в казахской степи аэропорта встретил я сухую, худощавую женщину – того типа, что уже давно, невзирая на возраст, не заботятся о своей внешности: простенький платочек, кое-какое платьице домашнего изготовления, кофточка не первого года носки, стоптанные туфельки. Все это выглядело просто, естественно и уж никак не нарочито.

Галина Андреевна значительно превосходила средний женский рост (в молодости она явно возвышалась над своим низкорослым, согбленным после каторги, а позже – хромым от ранения мужем). Обращали на себя внимание высокий лоб, крупные, правильные черты лица, но особенно глаза – темно-карие, глубоко сидящие, с внимательным и сосредоточенно-настойчивым взглядом. И сразу же, сквозь полувековой исторический туман, после перемен стольких жизненных декораций, становилось ясно: да, в такую женщину мог влюбиться, а главное – прислушиваться к ней знаменитый, лихой и беспощадный атаман! Нет, красotka Окуневская явно не дотягивала в своем киношном образе.

Впоследствии подтвердилось и первое заочное впечатление от почерка: Галина Андреевна была натурой сильной и незаурядной, неописуемо тяжелая жизнь не сломила ее характера, цепкий природный ум не ослабел и к семидесяти годам, а подозрительная осторожность была истинным порождением той жуткой эпохи, в которую ей довелось жить.

Начали мы работать с Галиной Андреевной. Длилось это с неделю, не меньше, беседовали ежедневно по несколько часов. Иногда я записывал ее слова на приятельский магнитофон, но

по большей части делал собственный конспект, приближенный к стенографии. И хоть мы были взаимно дружелюбны, ее не покидала настороженная сдержанность, скупость в подробностях и характеристиках. Убежден, что некоторые сведения, и немаловажные, остались сокрыты, но обвинять мою собеседницу я никак не могу: пережившая столько тягот, обманов и разочарований, как она могла довериться так вдруг незнакомому человеку, совсем иной среды и другого поколения?...

Да, к тому же имелись у Галины Андреевны не только прошлые, но и нынешние основания к сдержанности. Еще в самом конце пятидесятых, в разгар «оттепели» обратилась она с обычной тогда просьбой о реабилитации. Но и в «оттепель» с немалым отбором «реабилитировали». 30 июня 1960 года из Киева на бланке Прокуратуры Украины пришел ей ответ, вот он (цитирую по подлиннику):

«По Вашему заявлению Прокуратура УССР изучила дело, по которому Вы были осуждены. Материалами дела виновность Ваша доказана, и оснований для реабилитации не усматривается.

Заместитель начальника отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Г. Малый».

Вот так и доживала свой век больная старуха, еще на восьмом десятке остававшаяся «контрреволюционеркой», то есть преступницей на «законных» основаниях... Только в середине семидесятых родственники некоторых махновцев после долгих хлопот стали наконец получать справки «об отсутствии состава преступления» – спустя полвека после событий.

Так же сдержанна и еще более своенравна была и дочь Нестора Ивановича – Елена Несторвна. О ней, впрочем, будет рассказано в конце книги, судьба несчастной женщины того вполне заслуживает, но это – сюжет особый, боковой. Здесь же не удержусь лишь от одного замечания: уж очень сильно была похожа Елена на отца – и внешне, и, полагаю, характером.

Но всего не сделаешь и всего не наберешь. Свою работу историка, как теперь видится, я провел добросовестно, хотя прекрасно понимал, что публиковать полученные материалы в ближайшее время никак невозможно. Впрочем, в ту пору многие работали, как говорилось в интеллигентском быту, «в стол», в надежде на будущее, так что я не был тут исключением. Бумагам пришлось пролежать без всякого применения более двадцати лет.

К счастью, все сохранилось: письма Галины Андреевны и некоторые документы, мои записи, несколько фотографий даже. Теперь я благодарю Судьбу, что именно мне, не ведавшему в молодости, по каким ценнейшим историческим россыпям я тогда гулял, довелось собрать это богатство и сберечь. Ну, а переписка наша вскоре естественным образом заглохла: о чем больше говорить, о чем спрашивать? Она дряхлаела, я был занят делами, казавшимися мне тогда чрезвычайно важными. Что ж, дело житейское. И только теперь, когда Галина Андреевна давно скончалась, а мне довелось заново вернуться к истории махновского движения, я понимаю, какое богатое наследство я получил из ее рук. Воздаю искреннюю признательность ее памяти.

* * *

Имя Нестора Махно широко известно. Оно постоянно упоминается в энциклопедиях и исторических трудах, несколько раз возникает в «Тихом Доне», а в «Хождении по мукам» дано подробное описание его самого и его окружения. Ну, а разного рода повестушки, кинофильмы, журналистские рассказы – все это в оные годы хлынуло могучим потоком, который, впрочем, уже давно иссяк: старая схема исчерпана, а для нового, то есть объективного, освещения

этой темы требовалась гласность, а также безопасность авторов. Теперь такое время, кажется, наступило. Попробуем...

Нестор Махно стал вожаком, а вскоре и подлинным символом народного движения Юга России и Украины. Долгое время разрозненные отряды повстанцев, именовавшие себя махновцами, сопротивлялись войскам интервентов, красных, белых, петлюровских националистов, многих прочих, и, несмотря на слабое вооружение и неважную организацию, сопротивлялись весьма успешно, порой одерживая даже впечатляющие победы. Махновщина обросла преданиями, фольклором, крепко осталась в народной памяти, особенно -, на Левобережной Украине, родине их бывшего атамана.

Начинать осмысление этой народной стихии, понять ее и правильно оценить – дело нелегкое, как, впрочем, можно сказать о всех крупных явлениях российской истории XX столетия. Омертвелые схемы и догмы слишком долго закрывали от нас подлинность, к тому же не раз и не два сменяясь новыми «антисхемами» и «неодогмами». Не станем никого ругать, но вот себя осудить не грех, даже полезно. В заключение моей нашумевшей когда-то статьи давался четкий и недвусмысленный приговор: «Четыре года бушевал пожар махновщины на Левобережной Украине. Жестокий огонь ее обжигал и другие районы страны. Ограбленные города, свернутые в спираль железнодорожные рельсы, разоренные заводы и кровь, море человеческой крови – вот то наследство, которое оставила махновщина народам России и Украины, не принеся ничего взамен». Жестокий приговор, ничего не скажешь.

Да, так-то оно так... Только вот известно все же, что кровь лили в ту пору красные и белые, зеленые и желто-голубые, анархисты и монархисты, свои и чужие. И города грабили. И рельсы и водокачки портили. Значит, дело не только в жестокостях – сколько их пережила тогда несчастная наша страна?! Надо разобраться во всем тут спокойно, только это позволит нам понять пройденный путь, а следовательно – оценить современность. Попытаемся же. И конечно – начинать следует с выяснения личности того человека, что дал имя махновщине.

Облик Нестора Махно в истории до сих пор не познан, а первые тридцать лет его жизни скрыты в историческом тумане, который уже вряд ли удастся развеять. Вот – дата рождения. В первых наших справочниках (1930-й) указывался 1889 год. Затем появилась новая дата – 1884-й. Это отразилось и в изданиях зарубежных. Так, в немецкой энциклопедии 1939 года (Лейпциг, том 7) уточнено: 27.10.1884. То же повторялось в справочниках на многих языках довольно долго. В своей статье я указал обе названные даты, и вот – приходит вскоре письмо из тех, которые любят получать все историки – то лучшие отклики на наши публикации. На этом нельзя чуть-чуть не задержаться.

Писал мне редактор издательства «Энциклопедия» Юрий Шебалдин – талантливый и образованный историк. После вежливого комплимента в адрес моей статьи он сделал исключительно ценное фактическое дополнение: «Хочу обратить твое внимание на то, что Н. И. Махно родился не в 1884 и не в 1889 г. Недавно мы получили справку Гуляйпольского загса, согласно которой Нестор Иванович Махно родился 27 октября 1888 г. Родители: отец – Махно Иван Родионович, мать – Махно Евдокия Матвеевна. Оба православные». Ценнейшие сведения, они вполне могли бы затеряться!

И еще. Галина Андреевна подробно рассказала мне в свое время, что настоящая фамилия ее свекра была Михненко (а не Махненко – популярная тогда среди малороссов), но уличная кличка Ивана Родионовича почему-то стала именно Махно, а по простоватым обычаям той поры дети именовались именно так. Вдова не могла тут ошибиться, ибо слышала рассказы о том не только от покойного мужа, но и от многочисленной его родни, которую хорошо знала.

Итак, установлены дата рождения Нестора Махно и его родовое происхождение. Теперь очень важно описать место, где он родился, и общественную среду, где вырос и получил основы воспитания, что так важно для любого человека. Тут нам поможет забытый ныне, но поистине бесценный источник природы и быта России начала нашего века. О нем – хоть несколько слов.

Крупнейший в России и известный всему миру географ Семенов-Тянь-Шанский в начале века издавал капитальную и совершенно своеобразную энциклопедию: «Россия, Полное географическое описание».

В 1910 году вышел в свет четырнадцатый том: «Новороссия и Крым».

Нашлось в нем место и описанию скромного, но вскоре столь знаменитого села. Вот оно: «По грунтовому торговому тракту лежит волостное село Верхнеднепровского уезда Гуляй-Поле (раньше бытовало такое написание. – С. С.) с населением в 500 душ». Это крошечный отрывок из главы с описанием Екатеринославской губернии.

Уточним, что сведение это, как точно указано в книге, относится к 1900 году. Но в десятых годах – время, которое нас сугубо интересует, – Гуляйполе необычайно разрослось: там появились предприятия, обрабатывающие продукцию сельского хозяйства, две гимназии, земская больница, многочисленные ремесленные мастерские. Но сколько всего их было и какова численность населения – точных данных за этот период не сохранилось: архивы погибли в гражданской, а потом в Отечественной войне... а позже их совсем уж не сберегали.

Важнейшей характеристикой той южной части Екатеринославской губернии, где находилась родина Нестора Махно, была чрезвычайная социальная и национальная пестрота. Это очень важно для понимания духовного воздуха, который вдыхал с детства будущий вождь махновщины, поэтому дадим краткие пояснения. Бурное хозяйственное развитие края сопровождалось всеми классическими пороками, присущими раннему капитализму: наглость высокомерия новоявленных богачей, униженное положение бедных и обездоленных слоев, обнаженное насилие как способ решения всех вопросов.

Резко выступали пережитки старых помещичьих времен и нравов: громадные имения – и забитые, малограмотные батраки, а на службе у хозяев – вооруженная стража. Казалось, правды искать негде, отчего решительные и смелые люди, особенно молодые, тоже тянулись к насилию – ответному, как они сами думали. Добавим, что теплые края нижнего Приднепровья, где продукты питания были обильны и баснословно дешевы, привлекали множество неудачников с иных мест России и Малороссии в поисках хлеба насущного. Ясно, что пришлые парни никак не разряжали социальной напряженности: напротив, они сгущали предстоящий общественный взрыв.

Почти все население данной местности состояло из переселенцев, основное ядро – украинцы и выходцы из России, но имелись устойчивые поселения немцев, болгар, греков; по всему краю проживало много евреев – по большей части в рассеянии, но подчас и относительно большими группами, сосредоточиваясь в так называемых «местечках». Здесь, как и во всей Южной России, отмечалась невиданная в других частях страны чересполосица языков, нравов, обычаев и вер. В целом до начала гражданской войны межнациональные отношения складывались тут довольно мирно, острых столкновений на этой почве не наблюдалось, в отличие, скажем, от Правобережной Украины, Белоруссии и Прибалтики, и в особенности – «Царстве Польском», то есть в российской части Польши.

О семье, детстве и юности Махно почти ничего не известно. Еще при его жизни в Париже малым тиражом опубликовал он воспоминания, о них стоит рассказать, тем паче что ныне во всем свете сохранилось их, видимо, с дюжину, не более. Называлась небольшая книга, напечатанная на плохой бумаге, «Нестор Махно, Русская революция на Украине (от марта 1917 г. по апрель 1918 г.) Кн. 1». А затем указаны издатели – «Федерация анархо-коммунистических групп Северной Америки и Канады, Париж, 1929».

Мемуары не вызвали никакого общественного интереса, даже откликов в русской зарубежной печати, весьма разнообразной в ту пору. Но вот что характерно: ни слова о своем происхождении и юности Махно не написал. И дело не в том, что слабограмотный атаман повстанцев писать связно не мог, – Галина Андреевна спокойно рассказывала мне об этом и о том, что составляли мемуары мужа совсем иные лица. Отметим общее: в революционной среде глав-

нейшим считалось общественное, прежде всего – сама революционная деятельность, о ней и полагалось говорить или вспоминать, а семейное, личное – это от лукавого, безусловно буржуазного.

Сам Нестор Иванович о своем родовом происхождении ничего не рассказал. К счастью, у него нашелся биограф. Человек он столь важный в сюжете нашей книги и о нем столько еще будет говориться, что представить его необходимо.

То был известный в революционных кругах анархист, он звался и подписывал свои печатные произведения как «Петр Аршинов», но в скобках порой ставил затем фамилию «Марин»; что тут было кличкой или псевдонимом, не ясно (да и обе могли быть кличками, у профессиональных революционеров их имелось порой несколько). Был он ровно на десять лет старше Махно, происхождения неизвестного, в 1906-м примкнул к анархо-коммунистам, взорвал полицейский участок в Екатеринославе, потом стрелял в начальника железнодорожных мастерских, попал под арест, но бежал. С 1907 по 1910 год жил в Париже, вернулся в Россию, здесь его поймали. За старые грехи полагалась бы ему петля, но гражданская напряженность уже несколько спала: дали ему двадцать лет каторги, посадили в Бутырскую тюрьму. Там и встретился с молодым Нестором Махно, сделал его своим воспитанником, обучил анархистским теоретическим вершкам и стал его мрачной тенью на всю жизнь. Видимо, это был сильный и неглупый человек – даже полвека спустя Галина Андреевна отзывалась о нем весьма уважительно.

Аршинов прошел с Махно всю гражданскую войну, затем перебрался в Берлин, где гнездились остатки российских анархов. Здесь он выпустил в 1923 году свою известную книгу «История махновского движения (1918 – 1921)». К содержанию книги и ее автору еще не раз придется возвратиться, но отметим тут вот что, важнейшее сейчас: там приведены краткие данные о ранних годах Нестора; несомненно, Аршинов, не раз бывавший в Гуляйполе, многое знал. Его сведения – основной тут источник, а также – скуповатые подробности Галины Андреевны. Есть и множество разного рода сплетен бульварной печати, нашей и эмигрантской, но это надо просто-напросто отбросить.

Например, даже в солиднейшем эмигрантском издании «Архив русской революции» (Берлин, 1921) о Махно печатались такие пошлые байки, будто он убил «из корыстных целей» своего брата, за что, дескать, и получил каторгу... Или в годы нэпа издали брошюру некоего Н. Герасименко, где о Махно рассказывались страшные истории, а о всем движении с размахистой решительностью говорилось: «Вечно пьяные, покрытые паразитами, страдая кожными и иными болезнями, разнося всюду заразу, они бессмысленно гибнут...» Пили махновцы вряд ли больше других, а тифозные вши ели их равно, как красных, так и белых. Есть основания полагать, что брошюра Н. Герасименко была выпущена заведомо для очернения махновского движения, а для вящей убедительности ее снабдили подзаголовком: «Мемуары белогвардейца». (Любопытно, что в 1990 году один московский кооператив переиздал эту желтую книжицу, продавая ее по бешеной цене, – а ведь имеются и весьма серьезные старые книги о Махно, и его собственные воспоминания, кстати.)

Вот сводка достоверных сведений: Нестор родился четвертым сыном в семье бедного селянина. Братья рано осиротели: когда Нестору исполнилось всего одиннадцать месяцев, Иван Родионович скончался, был он не старых лет и, по некоторым догадкам, не безгрешен: леноват, не пренебрегал горилкой. Ни достоинства, ни доброго имени своим четверем наследникам не оставил. Всех своих старших братьев Нестор Махно пережил: один в юности отравился вишневыми косточками и умер (имя его неизвестно), Савелий и Григорий в гражданскую сражались в его отрядах и оба погибли – первый от красных, другой – от белых.

Что дальше – не известно ровным счетом ничего достоверного, но представить не трудно: нищенское детство, крохи образования, незавидные перспективы. Действительно, в двенадцать лет Нестор окончил начальную школу, а дальше пришлось ему зарабатывать на пропи-

тание поденным трудом. Так встретил он первый год XX столетия. Нестор, несомненно, был натурой одаренной и страстной, а такие качества в людях проявляются рано; горячий и вспыльчивый, он остро чувствовал несправедливость, а природная отвага толкала его на действия прямые и резкие. А тут наступил грозный девятьсот пятый год, когда Россия словно сорвалась с места и покатила по кручам и пропастям. Нестор Махно, как и многие его сверстники, стал одновременно и героем, и жертвой начавшегося неслыханного катаклизма. Судьбе его суждено было определиться рано.

Грозными предвестниками будущих бурь стали крестьянские волнения в Восточной Украине в 1902 году. Предыдущий год оказался неурожайным, хотя тяжкого голода не случилось, но многие селяне попадали в кабалу к богатым, проедали запасы, резали племенной скот. Давнее раздражение накапливалось, а в марте 1902-го, с приближением весеннего сева, начались захваты крестьянами помещичьих земель. Тут же неизбежно возникали пожарища и разгромы имений с сопутствующим этому хаосом и взаимным озверением. Власти ответили как обычно: ввели войска, и хоть крови не пролилось, до тысячи мужиков посадили (не надолго, правда), а еще больше – просто побили нагайками или чем придется. Войска ушли, и все пошло по-старому.

Гуляйполе и его окрестности оказались на окраине волнений, но и там кипели страсти, накалялась взаимная вражда. Тринадцатилетний Нестор, впечатлительный и нервный, не мог на все это смотреть хладнокровно. Тщедушный и малорослый подросток, сирота, живущий в бедности, – ясно, какие чувства он должен был тогда испытывать, какая пружина ненависти сжималась в его душе: ах, вы так... ну, стойте же!... А кто эти «вы», в чем олицетворяется мировое зло, у него сомнений не имелось: офицеры и чиновники в форменных мундирах, богачи (мужчины и женщины в нарядных одеждах) и вообще все те, кто стоит за эту постыльную власть.

Нестор продолжал поденничать, занимаясь чем придется. Никто им не интересовался, ничему не учил и не наставлял, мать с утра до ночи пеклась о хлебе насущном, братья перебивались, как и он, а от православной веры Нестор отстал с детства. Почему, как – можно только предполагать, но о том дружно говорят все свидетельства. Некому было ни пожалеть бедного юношу, ни приласкать, ни просветить, ни успокоить. Зато вкрадчивые наставники нашлись...

Много лет занимаясь данным сюжетом, перечитав множество книг и документов, все крепче убеждаюсь, что в России воцарилось с того самого 9 января тысяча девятьсот проклятого пятого года какое-то безумие, общественное помешательство, социальная эпидемия. Все слои общества загалдели каждый по-своему, но друг друга не слышали, взаимно раздражались и, вспомнив не ко времени совет одного известного кабинетного революционера, стали «звать Русь к топору».

На зов, к сожалению, откликнулись, да еще как! Впрочем, топор за полвека со дня памятного революционного манифеста технически устарел: его успешно заменили динамит, многозарядный пистолет и даже броненосец, захваченный возбужденной матросней. Места нет рассказывать обо всем подробно, но одно, очень важное для определения судьбы гуляйпольского юноши Нестора Махно, надо отметить. С краткой до гениальности простотой это выразил один из безымянных героев «Тихого Дона», подлинный «глас народа», словно из самых глубин прозвучавший: «Подешевел человек за революцию». Отчеканено было уже на исходе гражданской, когда опыт топора и восставших кораблей накопился предостаточный.

С конца девятьсот пятого года стрельба из-за угла и взрывы динамитных бомб-самоделок сделались в России некой привычной повседневностью. Революционно-террористическое безумие охватило целые слои незрелой молодежи, а многие образованные дяди одобрительно хлопали и даже помогали «потерпевшим». Убивали мелких чиновников, рядовых полицейских...

Из этого нетрудно определить действия молодого и вспыльчивого Нестора. Тут и встает важнейший нравственный вопрос: а кто шептал в ухо молодому чернорабочему призывы и указывал на адреса жертв?

К счастью для нашего повествования, сохранилась публикация в журнале «Каторга и ссылка» за 1927 год о гуляйпольской группе анархо-коммунистов, точнее – о процессе над ней. Публикация сумбурная, бестолковая, но сводку достоверных фактов по ней можно составить. Летом 1906-го в Гуляйполе сложилась террористическая группа. Во главе ее стали Вольдемар Антони (он и снабдил мальчишек оружием) и Александр Семенюта (любопытно, и это, кажется, общее правило в таких делах, что оба они после арестов своих сподвижников благополучно укрылись в Париже). Группа ставила своей целью борьбу со всеми «богатыми» за «свободу народа». И пошло-поехало.

В суховатом тексте обвинительного заключения перечислялось: 5 сентября 1906-го трое юношей с лицами, измазанными сажей, отняли у торговца Брука 151 рубль и золотые часы... 13 сентября того же года у промышленника Кригера – 425 рублей и слиток серебра... В августе 1907-го напали (в масках) на купца Гуревича, но неудачно – племянник поднял тревогу... Ну, и так далее. Наконец, 19 октября 1907-го попытались ограбить почтовую повозку, ничего не взяли, однако убили двух человек. Разумеется, вскоре всех выследили и взяли, отдали под военный суд: пятнадцать молодых людей.

Юного Нестора Махно, деятельного сподвижника террористической группы, тоже схватили, ему вменили в вину участие в бандитском нападении на Брука, Кригера и Гуревича, что было по тогдашним законам преступлением весьма тяжким. За это, конечно, не отвечали эмигранты, призывавшие «бить всех под корень», которые благополучно отдыхали на берегах швейцарских озер...

В 1910 году в Екатеринославе состоялась долгая и томительная для подсудимых волокита судебного заседания (тогда еще не изобрели стремительных «троек» или жутких «ОСО»), преступление было злодейским, приговор ясен: смертная казнь через повешение. Но... в момент преступления Нестор еще не достиг совершеннолетия, то есть ему не исполнился двадцать один год. Приговор пошел на перерассмотрение, он попал – ирония судьбы – к ново-назначенному военному министру Сухомлинову (личность столь же известная, сколь и темная), тот, согласно закону, заменил казнь бессрочной каторгой. Позже в правой эмигрантской печати 20-х годов Сухомлинова – тоже эмигранта – упрекали за «либерализм»; упрек несправедлив: в данном случае он, авантюрист и гешефтмахер, поступил по закону.

В 1910 году, более точных данных нет, Махно отправляют в Москву, в Бутырскую каторжную тюрьму. Судьба его отныне определилась окончательно – он стал, как с гордостью говорили тогда о себе многие ему подобные, профессиональным революционером. Здесь довелось ему провести около семи лет.

Итак, Нестор Махно получил «бессрочную», то есть пожизненную, каторгу – этой мерой наказания заменялась смертная казнь, полученная по приговору суда. В 1910 году по всей России насчитывалось 28 742 каторжника, но большинство их составляли уголовники, совершившие наиболее тяжкие преступления. «Политических» насчитывалось около пяти тысяч – одним из них стал в том же году Махно. В подавляющем числе то были участники вооруженных и террористических выступлений: эсеры, анархисты, члены большевистских боевых дружин, воинствующие националисты, прочие деятели крайне революционного толка.

Махно был в том ряду не первым, а главным – не последним. Получилось так, что зажженное им пламя обожгло не только его самого «со товарищи», но много позже воронка разросшегося тюремного ада всосала туда его жену и дочь...

В тюремной среде тяжесть наказания в немалой степени определяет для заключенного положение в своеобразной иерархии внутри узилища: Махно осудили на «бессрочную», и, хоть он был молод, это придавало ему соответствующий «авторитет». В описываемое время среди

каторжан пожизненное заключение среди всех прочих имели только восемь процентов. Так он изначально оказался на вершине внутритюремной пирамиды, что давало ему некоторую нравственную опору – важнейшее приобретение той жизни, а также материальную поддержку сокамерников: для бедняка, каким он был, это уже немало.

Зато в смысле образовательном и идеологическом Махно, безусловно, числился среди последних. Согласно приблизительным прикидкам историка М. Н. Гернета, автора «Истории царской тюрьмы», среди каторжан преобладали люди низших социальных слоев, вот данные тогдашней отчетности судебного ведомства: «земледельцы» (крестьяне) – 28,5%, чернорабочие (к ним, надо полагать, причислили Махно) – 12,6%, фабрично-заводские рабочие – 20,5%, ремесленники – 19,0%, итого по всем четырем категориям – более четырех пятых узников, подавляющее большинство. Ясно, что почти все они были малограмотные, а так как тогдашние революционеры очень почитали теоретические предметы (доступные им по преимуществу в «популярных» брошюрах), то авторитет «теоретиков» был среди того своеобразного общества весьма высок.

Из кого же состояла, по тому же источнику, каторжная «элита»? Преподаватели и учащиеся (большинство, конечно, из последних) – 5%, аптекари и фельдшера – 0,8%, врачи – 0,1%. Выразительная арифметика! Убивали приставов, городских и служащих банков «низшие» – молодые работяги и прочие, они и кончали потом жизнь на виселице или томились на каторге: «образованные» же, как правило, благополучно скрывались на аккуратных берегах Швейцарии или сопредельных пространствах, столь же благополучных. И вот весьма любопытно: среди «политических» Гернет не поминает ни одного университетского приват-доцента и ни единого гимназического учителя. «Образованность» в той среде понималась именно как осведомленность в содержании тощих эмигрантских брошюр и – особенно! – умение вести по поводу них бесконечные споры, «дискуссии» – высшую степень революционно-идеологической подготовки.

Каторжанин представляется нынешнему читателю прежде всего как «человек с тачкой», «человек с кайлом». Неточное весьма перенесение современности на прошлое. В Бутырках каторжане не отягчались никакими принудительными работами, трудились они сугубо добровольно. Да, тюрьма – не сахар. Распорядок был строг, тюремщики – люди ожесточенные, охотно и не всегда справедливо применяли разного рода внутритюремные наказания – чаще всего карцер, а также ручные и ножные кандалы, некоторые ограничения в пище и т. п.

Нет слов, тяжело все это... Но все же... Библиотеки в политических каторжных отделениях были превосходны и – что удивительно – содержали даже нелегальную литературу, включая пресловутые революционные брошюры. Переписка с родными и близкими по сути не ограничивалась, любым литературным изысканиям и записям не ставилось препон, существовала и не пресекалась без крайних поводов каторжанская «самодеятельность» (как сейчас бы сказали): хоровое пение и т. п.

В тюрьме, особенно каторжной, все заключенные строго делились по «мастям». Последнее слово «блатное», из воровского жаргона, но по сути у «политических» подобная разноголосица была куда разнообразнее и строже: разделялись они по многим партиям и их бесчисленным оттенкам. Перегородки бывали тут весьма строги и ревниво оберегались, но при любых различиях всех объединяло одно – принадлежность к Революции. Это понятие очень глубоко въелось в души всех «старых революционеров».

Во время гражданской, когда ожесточение и кровопролитие доходило до невыносимых, казалось бы, пределов, враждовавшим меж собой левым партиям не полагалось все же казнить «своих», то есть из числа тех же «профессиональных революционеров». Так, чекисты спокойно отправили восвояси меньшевика Мартова, эсера Чернова, множество иных, менее известных. Сурово карали только тех, кто сам преступал «закон» и проливал «свою» кровь.

То же самое проводили и различные другие левые группы, боровшиеся с большевиками, хотя исключения тут тоже, разумеется, случались. Словом, революционеры не должны были проливать кровь революционеров, и сколько бы ни случалось тут исключений, высший принцип в общем и целом соблюдался. Поначалу гражданской «старый политкаторжанин» Махно тоже соблюдал «закон», и даже был обласкан большевиками, но вскоре преступил его и тотчас же был, как мы увидим, сам объявлен «вне закона».

...Внезапно грянула Февральская революция, круто развернувшая жизнь России. Она оказалась совершенно неожиданной и для правительства, и для консервативных сил, и для самих революционеров. Вдруг переменялась и судьба политкаторжанина Нестора Махно, который из двадцати восьми лет своей жизни девять провел в тюремных камерах. Дата его победного оставления Бутырок известна совершенно точно: 15 марта 1917 года².

В Гуляйполе Махно вернулся, как он сам написал в своих воспоминаниях, «спустя три недели после освобождения из тюрьмы». Он, видимо, не очень спешил в родные места, где его ждали мать, братья и друзья. Почему же? Безусловно, убежденный анархо-коммунист, вырвавшись на волю, связался со своими товарищами по движению – Москва и Петроград стали тогда главнейшими их центрами. Где-то здесь и осел сразу после революции наставник Махно Аршинов (Марин) – революционный чин у него был повыше. Получив от старших товарищей наставления и, по обычаям тех времен, какое-то число анархистских брошюр, Махно наконец выехал на родину – «углублять революцию», как тогда выражались.

Прибыл он в Гуляйполе приблизительно 23 марта и сразу же развернул бурную деятельность. То был уже не юноша-поденщик, угловатый и робкий; он вернулся истинным профессиональным революционером, решительным и властным, он твердо знал, куда и зачем вести за собой народ. Уже 25-го состоялось первое собрание местных анархов, и хоть они, по своей теории, бдли против всяких вождей, Нестор Махно становится их безусловным главой. Основной их общественной опорой стали батраки, рабочие мелких предприятий округа и всевозможная гольтьба, «босяки», которые в изобилии наполняли тогда цветущий тот край, но и среднее украинское селянство им тоже тогда сочувствовало. Сам Махно запомнил и рассказал позже, что 28 – 29 марта был избран Комитет крестьянского союза, объединивший подобного рода люд, вожаком которого он стал уверенно и прочно.

Лозунги его были самыми-самыми левыми, «сверхреволюционными». Весной 1917-го только что потянувшийся к политической жизни народ России, неопытный и доверчивый, упивался идеей Учредительного собрания: оно, мол, будет законно избрано, соберется в столице и все по-доброму решит. Махно же с мрачной решительностью, опережая события, заявлял: «Учредительное собрание – это картежная игра всех политических партий» (нельзя не признать теперь, своя правда тут была).

Вскоре обнаружилось, что наладить правильный парламент в России было делом трудным, требующим терпения, взаимных уступок, навыков политических соглашений. Но и левые круги, и низы народа, на которые те опирались, ждать не хотели. Махно и ему подобные такие настроения не только выражали, но и подталкивали горячность митинговых толп. Для начала, например, в Гуляйполе разогнали местное земство – этот древнейший орган народного самоуправления, простоявший на Руси века: он был, по мнению левых, «буржуазен», а что его законно избирали местные граждане, так то ведь было при «проклятом царизме». Словом, надлежало все вопросы решать немедленно, прямым волеизъявлением трудящихся, снизу, без всякого участия государства, как то и завещали пророки анархизма.

Нестор Махно являлся убежденным и стойким анархистом, оставшись таковым до конца дней своих. Но кто же такие эти самые анархисты и что такое анархизм вообще? Современный

---

² Как известно, так называемый новый стиль был принят по декрету от 26 января 1918 г., в нашей книге все датировки будут приводиться в соответствии с этим календарным рубежом.

гражданин России и Украины воспринимает эти явления по кинофильмам и простенькой беллетристике: тут все очевидно – черные знамена, длинные волосы, крутые речи про обобществление имущества и жен. Да, бывало и такое, еще основатель анархизма Михаил Бакунин носил столь замысловатую прическу, что нынешние рок-певцы позавидовали бы, да и общность жен водилась, и черное полотнище, украшенное зловещими надписями, действительно, есть частая примета анархических организаций и групп.

Но главное, конечно, не в этих внешних проявлениях, далеко не всем участникам движения свойственных. Важно отметить тут другое: с середины прошлого века анархизм сделался вожденной мечтой всего обездоленного человечества прошлого века, в этом все его обаяние, хотя и оказалось оно бесовским. У истоков русского, а потом и всего международного анархизма обозначились два столпа – родовитые дворяне Бакунин и Кропоткин. Про обоих написано много, восторженного и ругательного, итог жизни их хорошо известен. Оба – талантливые, яркие, необычайно одаренные, но они были словно полюсами, олицетворяя противоречивую природу анархизма.

Первый – истинный революционер, классический в том смысле, что «все дозволено» (для блага народа, разумеется, хотя мнение этого самого народа он не запрашивал, а решал за него). Отсюда и вседозволенность средств: смерть сотни невинных ради какого-нибудь одного врага, подлоги, двурушничество, поклепы и наветы – цель есть самая наивысшая, то есть установление рая на земле, причем немедленно, сегодня.

С другой стороны, Кропоткин, русский князь по рождению, был истинно русским мечтателем-идеалистом, таким политическим Ленским из «Евгения Онегина». Пролитие крови вызывало в нем ужас, никогда он к тому не призывал и в гнусных заговорах бакунинского типа отродясь не участвовал.

Он словно воплощал собой вековую мечту обездоленных и униженных о всеобщем братстве, о том, чтобы не мытарили людей богатые и сильные, чтобы вообще насилие исчезло.

Испанские анархисты XX столетия, поклонники обоих русских учителей, ввели меж собой знаменательное приветствие: «Салют и бомба». Да, так оно и звучит по-испански, как и по-русски, а сочетание-то смысла слов прямо-таки ужасно: «салют» есть древнелатинское выражение, означающее пожелание человеку здоровья, ну а «бомба» – это на всех европейских языках однозначно. Хорош лозунг – сочетание здоровья и символа массовой смерти! Горячие испанцы словно бы довели до конца противоречивые идеи своих русских прародителей. И кажется, нет более краткого и выразительного определения сути анархизма, чем то, испанское.

Обездоленные и озлобленные социальные низы мечтали о земном рае, а молодые – они всегда торопятся, хотят получить все сразу. Анархизм подкупал их своей прямоотой и простотой планов. В 1917 году Московская федерация анархистских групп выпустила брошюру своего единомышленника В.Гордина «Как мужик попал в страну „Анархия“. Сюжет простоват до убогости, но важен тут финал: жил да был бедный пахарь, все его унижали, ни в селе, ни в городе не мог добыть он счастья трудом, побежал куда глаза глядят, пришел к реке, перешел ее, а там страна Анархия – нет начальства и властей, всех кормят бесплатно, а всякий трудится по своим способностям, но и без всякой оплаты. . .

Конечно, нам, выросшим в царстве развитого социализма, хорошо известно, что значит трудиться бесплатно, получая бесплатную же кормежку, говорить о том не станем. Но то – сейчас. А в начале века для тысяч таких бесправных париев, как Нестор Махно, сомнительная эта мечта выглядела желанной и осуществимой.

И еще, что немаловажно для понимания описываемой революционной эпохи. У нас даже в серьезных книгах нередко пишут об анархистах как о «партии». Это грубая ошибка. Они всегда отрицали политическую партийную организацию с ее жестокой подчиненностью, как и государство. Вот почему российские анархисты времен гражданской войны делились на множество самых разнообразных групп, начиная от бомбистов и кончая вегетарианскими пропо-

ведниками мирного труда. К сожалению, первых было куда больше и запомнились они в отечественной истории гораздо крепче.

Нестор Махно без остатка погрузился в бушующую стихию революции. Изучение истории, хотя бы тогдашних газет или резолюций бесчисленных митингов, говорит о громадном напряжении тогдашней жизни, она словно бы выплеснулась на улицы. Порой возникает наивная мысль: а как же тогда воспитывали детей, учились, работали на полях и в цехах? Как-то все же воспитывали и трудились, ибо не всех охватила революционная горячка, но сейчас-то видно, что исполняли важнейшие эти дела очень плохо.

Постепенно, с лета 1917-го, Махно становится приметной личностью на Екатеринославщине. Имея прочную опору в родном Гуляйполе, он уже выступает и действует в таких крупных городах, как Александровск (Запорожье) и Екатеринослав (Днепропетровск). Как и положено истинному анархисту, он выбирает себе кличку – «Скромный» (сам он пояснял в мемуарах: «Мой псевдоним с каторги»). Да, каторжные клички бывают точны и образны! Таким и был Нестор Махно: бескорыстным, честным, лишенным всякого властолюбия (недаром лихой атаман стал подкаблучником своенравной супруги), то есть истинно скромным – прекраснейшее человеческое качество, очень российское, кстати! Так-то оно так, но знамя, под которое судьба затянула Махно, требовало совсем иного: воли и жестокости.

В Гуляйполе сильная группа анархов во главе с Махно, по сути, стала править в местном Совете. Никаких указаний из Центра, то есть от Временного правительства, они не принимали, можно полагать, что с мая месяца это уездное местечко на Екатеринославщине сделалось независимым от Петрограда. По тем временам ничего тут особенного не было, подобных «независимых республик» – от уезда до хутора – наплодилось уже немало: Россия разваливалась. Уже в августе Махно и его присные проводят в Совете решение о конфискации помещичьих земель – за два месяца до знаменитого декрета Октября.

Ясно, что такая жизненная повседневность требовала от всех ее сознательных участников громадного напряжения сил. Человек прямой и цельный, Махно отдавался делу революционной перекройки мира полностью, но как раз физических-то сил ему было отпущено от рождения немного, а в Бутырках здоровье его, естественно, не укрепилось... От постоянной суеты на людях и митингового перенапряжения у него случались нервные припадки. Он рассказывал в своих мемуарах, как однажды на каком-то митинге чуть не потерял сознание. О его нервной неуравновешенности, доходившей до приступов, намекала мне и Галина Андреевна.

Как бы ни захватывала политика Нестора Махно, он был молод, и романтические переживания не могли не затронуть даже его. Где-то летом 1917-го произошла, как всегда в таких случаях невзначай, встреча его с человеком, ставшим ему единственным спутником на всю жизнь. Полвека спустя Галина Андреевна рассказала об этом так (привожу по записи, где чувствуется ее суховатая точность и сдержанность оценок):

«Летом семнадцатого года я служила учительницей в Гуляйполе, было мне двадцать лет. Я увлекалась тогда, как и многие молодые, учением анархистов. Приходила к ним в помещение, помогала разбирать почту и литературу: многие были малограмотны. Однажды в комнату, где я работала, вошел Нестор с кем-то еще, его я уже видела. Получилось тесно, я уронила со стола стопку каких-то листовок (или брошюр, не помню). Нестор закричал на меня: „Поднимите сейчас же!“ Я рассердилась на его крик: „Не подниму“.

– Подними, – кричит, – это написано кровью!

– Не подниму.

– Он выхватил пистолет из кобуры, наставил на меня и снова говорит: «Поднимите». Я ни за что не подняла бы тогда. Хлопцы успокоили его, он извинился и вышел из комнаты. Вот так мы познакомились, потом стали изредка встречаться, потом я уехала в Киев...»

Маленькое, доселе никому не известное Гуляйполе постепенно становилось довольно заметным политическим центром на всей многолюдной Левобережной Украине, а признанным

его главой – Нестор Махно. То был случай необычный даже в то необычное время! Да, такие малые города, как Кронштадт или Севастополь, тоже гремели наряду со столицами, но причина тут очевидна, как и в случае со скромным Могилевым – тогдашним местопребыванием Ставки. Но чтобы небольшое местечко стало оказывать влияние на огромную Украину... это по любым меркам нечто неожиданное! В чем тут дело?

А в том, что Махно возглавил некое своеобразное политико-национальное движение, хоть и находившееся тогда в младенческом возрасте. Во-первых, здесь вкладывалась, как выразились бы теперь, крайне левая популистская идеология. Главный лозунг такого направления мыслей и чувств выразил знаменитый герой повести Булгакова Шариков: «Взять все, да и поделить...» Увы, идея всеобщего передела и неукоснительного равенства широко бытовала в тогдашней России, а на Екатеринославщине, раздираемой острыми социальными противоречиями, особенно. А тут батрачкой неустроенной голытьбе, босякам, бродягам, а также городским и сельским идеалистам, которых в ту пору имелось в изобилии, предлагают столь решительную меру! Да, поделить, действительно, все, а кто против – под корень. Эта мысль многим тогда казалась вполне справедливой и моральной.

И еще. На Украине национальный вопрос приобретал особо острое значение (в отличие от большинства губерний Великороссии). В Киеве, Житомире, Виннице и на Волини начали складываться украинские националисты, развернувшие желто-голубой флаг и лозунг самостоятельной Украины. Во главе их встал бывший семинарист Симон Петлюра. Движение отличалось резкой враждебностью к другим народам, прежде всего – русофобией и антисемитизмом. Ясно, что это сильно сужало социальную основу петлюровщины, однако им все же удалось в Киеве весной 1917-го создать зыбкое подобие временного правительства Украины – Центральную Раду. Окружение Махно состояло в основном из украинцев, однако высказалось недвусмысленно: уже в июле в Гуляйполе на большом митинге была принята резолюция, резко осуждающая Центральную Раду: за буржуазность и национализм. Ясно, что в условиях национальной чересполосицы Екатеринославщины это укрепляло популярность Махно.

К слову сказать, анархистская теория, которую номинально исповедовали батько и его ближайшие соратники, требовала сугубого, истинно космополитизма в самом точном смысле этого слова. В газете петроградских анархов «Буревестник» в ноябре 1917-го недвусмысленно провозглашалось: «Для нас нет вопроса об отечестве, нет вопроса о мире, для нас нет ни России, ни Германии, ни Италии и проч., и проч. Для нас нет ни родины, ни отечеств». Что ж, по крайней мере, откровенно... Трудно сказать, разделял ли Махно эти крайние взгляды, но несомненно, что ни украинского, ни тем паче общероссийского патриотизма он не ведал.

Тут же надо решительно опровергнуть бытующую до сих пор легенду об антисемитском характере махновского движения. Это в корне неверно, а закреплено в общественном сознании популярной когда-то поэмой Багрицкого «Дума про Опанаса». В ней якобы по приказу Махно убивают начальника продотряда по имени Коган, это некоторыми толкуется в духе сугубо национальном. Но характерно, что именно такую фамилию носил как раз заместитель председателя Гуляйпольского совета в годы гражданской войны, убитый денкинцами (об этом свидетельствует Аршинов-Марин). Сохранилось немало воззваний махновского штаба в разные времена против антисемитизма. О том, что Махно жестоко расправлялся с участниками насилий над евреями подробно рассказала мне Галина Андреевна, причем она и тогда горячо оправдывала суровость тех мер. Вот запись ее рассказа, дата события отсутствует, но речь идет, видимо, о самом разгаре гражданской войны на Украине:

«Остановились мы в Добровеличковке близ станции Помощная (узловой пункт на железной дороге Черкассы – Одесса. – С. С.), еврейское местечко, там меня знали, пришел один еврей, сказал, что махновцы грабят евреев. Я бросилась к Нестору, сказала, что надо прекратить; он сказал: да, надо немедленно. Верхом поехали Петренко (один из махновских атаманов. – С. С.), Махно и я. Действительно, бойцы собирали одежду, в том числе женскую, варенье

какое-то, которое один из бойцов жадно ел из банки. Некоторых тут же разложили и выполили. Помню, Петренко отчитывает какого-то бойца, говорит мне: «Ну, что же с ним, Галина, делать?» Я говорю: «Стреляй, раз он ничего не понимает». Петренко и застрелил его. Потом был устроен митинг».

Примеров подобного рода множество, в том числе и в опубликованных источниках, но отметим еще одно весьма существенное обстоятельство: «идейные анархисты» из ближайшего окружения атамана в большинстве своем состояли из евреев (имена их будут названы по ходу развития нашего сюжета). Коммунист с Украины М. Равич-Черкасский еще в 1920-м прямо заявил, что «отрядам Махно чужды всякие шовинистические настроения»; здесь ему можно поверить.

Октябрьский переворот 1917-го (позже его стали именовать Великой Октябрьской социалистической революцией) вызвал в Гуляйполе – среди окружения Нестора Махно – восторг и одобрение. Тому есть множество свидетельств, но вот важнейшее, продиктованное самим вождем махновщины для первого тома воспоминаний: «Я утверждаю из жизненного опыта районов, за которыми я серьезно следил, что в первые два месяца – именно ноябрь и декабрь – торжество Октябрьского переворота в России украинскими тружениками на местах было только приветствовано». Высказывание исключительно важное и безусловно достоверное, здесь требуются пояснения.

Действительно, приход к власти правительства, сформированного из большевиков и левых эсеров в Смольном 26 октября, поддержали многие крайне революционные группировки, в том числе и анархистские. Им казалось, что теперь-то и начнется, во-первых, полное всевластие трудящихся на местах, а во-вторых – беспощадная борьба с «эксплуататорами». Сразу после Октября последнее осуществлялось очевидно и бесспорно: захват банков и помещичьих имений (сопровождавшийся порой бессмысленным расхищением ценностей), погром хуторских хозяйств («кулаков») и магазинов, лавок, товарных складов – всего не перечислишь. Что же касается первого, а именно передачи всей власти на местах трудящимся, то, окрепнув, большевистское руководство Совнаркома не стало тут спешить. Но это – дело будущего, хоть и ближайшего, а пока анархо-коммунист Махно и его товарищи были всецело за Октябрь.

Полвека спустя Мао Цзэдун скажет: «Винтовка рождает власть». Неученый сирота Нестор Махно в политических афоризмах был не силен, но лучше нельзя выразить суть той линии, которую он нащупал своим революционным чутьем. Точных данных не сохранилось, но безусловно, что уже на исходе лета 1917-го Махно создал в Гуляйполе вооруженные отряды. Это было полностью незаконно, но кто же слушал тогда полупарализованное Временное правительство? Легко можно назвать составляющие этих еще зыбких вооруженных сил: молодые хлопцы из социальных низов Екатеринославщины, горячо почитавшие своего вождя за славное революционное прошлое и решительность намерений и планов.

В декабре 1917-го на съезде Советов в Гуляйполе Махно был избран на губернский съезд в Екатеринославе. Там он впервые познакомился с молодыми большевиками, впоследствии весьма известными: Эммануилом Квирином, одним из руководителей Украины, и Яковом Эпштейном (Яковлевым) – будущим вершителем жуткой коллективизации в СССР. Украинские националисты, осевшие тогда в Киеве, тоже создавали вооруженные отряды своих «сичевых стрельцов», боролись с большевистским правительством за гегемонию на Украине. Махно решительно поддержал большевиков: уже в январе 1918-го его нестройное воинство выступило против Центральной Рады – вместе с такими же пестрыми отрядами большевиков, левых эсеров и прочих левых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.